

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ В МОНТЕВИДЕО (ДЕКАБРЬ 1933 г.)

Л. Я. Климуть

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра всеобщей истории)

Конференция в Монтевидео 1933 г. определила основные принципы отношений между государствами как субъектами международного права. Она соответствовала духу того времени и «политике доброго соседа» президента США Рузвельта.

VII Панамериканская конференция проходила в Монтевидео (Уругвай) с 3 по 26 декабря 1933 г. На ней был заключен целый ряд договоров, которые сохраняют огромную важность и на сегодняшний день, так как именно в Монтевидео были определены принципы правосубъектности государства. Они изложены в самом известном документе – Конвенции Монтевидео, о которой будет сказано позже. А сначала хотелось бы обратить внимание и на другой документ, принятый на конференции.

Первым актом была Конвенция о гражданстве женщин. Этот документ представила Межамериканская комиссия по делам женщин. Комиссия презентовала на конференции ряд документов, суммирующих конституции, кодексы и законы 21 американской республики по проблеме равенства и неравенства.

Конвенция о гражданстве женщин стала основой для будущей деятельности американских республик по вопросу равенства в Западном мире, а затем и в мире в целом. Этот документ предусматривает равные гражданские и политические права женщин. «Подписавшие стороны соглашаются, что после ратификации этого договора у мужчин и женщин будут равные права на всей территории, подчиняющейся их юрисдикции» [2, с. 221]. К Конвенции прилагался договор из 6 пунктов, уточняющих различные аспекты в отношении гражданства. Так, устанавливается, что натурализация влечет за собой потерю изначального гражданства. В статье 4 говорится о сохранении права на гражданство при передаче территорий от одного государства другому. Статья 6 устанавливает, что вступление в брак не меняет гражданство человека.

Но главным документом стала Конвенция о правах и обязанностях государств. Она установила признаки суверенных государств, предоставив тем самым основу для защиты государствами своего права на существование и невмешательство других государств. Этот документ был подписан 26 декабря 1933 г., а в силу вступил на следующий год. На сегодняшний день это стандартное определение государства по международному праву, хотя его конкретное применение в современном мире может породить сложные

ситуации. Этот документ подписали США, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская республика, Колумбия, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай, Чили и Эквадор. Боливия была единственной страной, участвовавшей в конференции, которая отказалась подписать конвенцию.

Признаки государства как субъекта международного права определены уже в первой статье: «Государство как субъект международного права должно обладать следующими признаками: постоянное население; определенная территория; правительство; способность к вступлению в отношения с другими государствами» [1].

Важным постулатом является также статья 3, в которой указано: «Политическое существование государства не зависит от признания другими государствами» [1]. Опять же, заложена возможность возникновения спорной ситуации.

Особое внимание следует обратить на статью 8. Она гласит: «Ни одно государство не имеет право вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства» [1]. Известно, что начало XX в. в Западном полушарии было отмечено иностранным вмешательством в дела других государств, прежде всего США, но не исключительно. Эта статья четко и ясно отвергала сам принцип вмешательства во внутренние дела друг друга.

Также Конвенция обязывала государства «не признавать территориальные приобретения или иные выгоды, полученные силовым путем, будь то применение оружия, угроза дипломатическим представителям, или любые другие эффективные меры принуждения» [1]. Еще хотелось бы обратить внимание на следующий пункт: «Территория государства является неприкосновенной и не может быть объектом военной оккупации, или других мер применения силы, навязанных другим государством, прямо или косвенно или по любым мотивам, даже временным» [1]. Речь идет о подписавших государствах, но, без сомнения, проблемы, связанные с этим аспектом, существовали (и существуют) не только в Западном полушарии.

Конференция в Монтевидео происходила на фоне важных изменений. В 1930-х гг. США охватили настроения крайнего изоляционизма. Американцам тогда казалось, что Гитлер и Муссолини – это странные фигуры, которые не имеют отношения к американским проблемам. Свою роль играла и ревизионистская теория о втягивании США в войну в 1917 г. из-за махинаций торговцев оружием, деятельность которых расследовала комиссия Сената в 1934–1936 гг. Однако у изоляционизма США были свои корни: либеральное отвращение к оружию и войне, «великая депрессия» и ревизионизм американских историков, которые утверждали, что Германия – не единственная ответственная за 1914 г. Изоляционизм не означал уход с мировой арены. Члены Конгресса выступали за защиту интересов США, но отвергали вмешательство в ссоры других. Некоторые пацифисты даже доходили до того, что признавали возможность отказа США от некоторых прав на международной арене. Левые изоляционисты утверждали, что следующая крупная война может подтолкнуть США в направлении фашизма. А консерваторы, в свою очередь, предупреждали, что она приведет к социализму.

Отсюда целый ряд биллей, направленных на предотвращение событий 1914–1918 гг. Так, Акт Джонсона 1934 г. запрещал гражданам США одалживать деньги странам, не выплатившим военные долги. Акты о нейтралитете 1935 и 1936 гг. запрещали военные поставки воюющим сторонам и любой экспорт, за который эти страны не платят наличными и не перевозят на собственных кораблях. Результатом таких законов на самом деле становится то, что США не могут оказать помощь жертвам агрессии. Но этот вопрос выходит за рамки темы доклада.

В то же время США в 1930-х гг. предпринимают шаги по мобилизации Западного полушария для борьбы с депрессией и сопротивления европейским, в частности немецким, поползновениям. Рузвельт назвал свою политику «политика доброго соседа». На нее он ссылаясь в своем обращении к участникам конференции в Монтевидео, и ее духом пронизана сама Конвенция о правах и обязанностях государств. Для США она означала невмешательство в дела латиноамериканских государств. Поэтому 29 мая 1934 г. был подписан договор с новым кубинским правительством об отмене поправки Платта. В соответствии с провозглашенными Конвенцией принципами США стали посредником в урегулировании спора между Боливией и Парагваем в 1934 г. и заключили торговые договоры с латиноамериканскими государствами. Панамериканское единство Вашингтон видел на основе принципе невмешательства, осуждения агрессии, запрета на насильственное взимание долгов, равенства государств и континентальной солидарности.

Хотя в конференции в Монтевидео участвовали только американские государства, изложенные в ее документах принципы лежат в основе международного права.

Литература

1. Конвенция о правах и обязанностях государств [Электронный ресурс] // Национальное Собрание (Парламент) Западной Армении. – Режим доступа : <http://parliament-wa.info/ru/archives/1719>. – Дата доступа : 17.11.2019.
2. Scott, J. B. The Seventh International Conference of American States / J. B. Scott // The American Journal of International Law. – 1934. – Vol. 28. – № 2. – P. 219–230.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Т. А. Кожурина

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра общего и славянского языкознания)

Данная статья посвящена исследованию памятников деловой письменности эпохи Киевской Руси. Выявляются специфические особенности на различных языковых уровнях.

В истории русского языка особое место принадлежит деловой письменности как одному из важнейших составляющих языковой культуры.

«Деловые документы являются своеобразными, тематически ограниченными памятниками письменности, которые охватывали различные области экономической и социальной жизни различных слоев общества, включая его обыденную жизнь» [1, с. 108].

Письменные документы, которые зафиксированы в летописи, – договоры русских с греками 907, 911, 944 и 971 гг. Первый свод законов Киевской Руси «Русская правда» – оригинальный памятник письменности XI в., – позволяет судить о развитой системе юридической и общественно-политической лексики в данный период. Древнейшим документом является и «Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода 1130 года».

Деловой язык использовался при составлении документов канцелярского характера, актов землевладения и хозяйства, суда, законодательных кодексов, многочисленных вкладных, правовых, купчих, духовных, жалованных, данных, кабалных, договорных, межевых и др. грамот. Нормы письменной деловой речи в Киевской Руси складывались под влиянием традиций устного обмена социально-экономической, дипломатической и юридической информацией.

Деловой язык эпохи исследуемого периода представил те направления развития, которые стали ведущими в становлении русского литературного языка в дальнейшем: демократизацию письменной формы литературного языка, образование восточнославянской лексики, отход от церковнославянской языковой традиции.

Известно, что язык деловых документов существенно отличается от языка летописно-повествовательной литературы характером и составом употребления церковнославянских элементов, наличием специфических лексем, фразеологизмов и синтаксических конструкций, отсутствием «приемов литературной отделки» [2].

Деловые тексты, которые отражают живую разговорную речь исследуемой эпохи, дают широкие возможности для установления состава, функций и хронологии отдельных языковых единиц, категорий и форм. Так, довольно широко распространены слова с начальным гласным *o* (*оже*); лексемы с полногласными сочетаниями (*Володимир, воротити, золото, горохъ, корова, дерево, голова* и т. д.); с начальными *po-*, *lo-* (*лодья, ростеряти, розграбежь, розвязати, розделити, локоть* и т. д.). Для исследуемых текстов характерно наличие звука [ж] в соответствии с **dj* (*ноужа, межа*); флексии *-i* или *-e* в соответствии со старославянской по происхождению флексией в памятниках неделовой письменности (*воле, робье, свое, чье, продаже, тяже* и т. д.); наличие звука [ч] в соответствии с **tj*, **gt*, **kt* (*хочеши, закладаюче, въобчи, дадуче* и др.); флексия *-ого* в полных формах прилагательных (*белогородьского, киевьского*).

В памятниках деловой письменности часто встречается восточнославянская по происхождению общественно-политическая лексика (*мужь* – ‘приближенный князя’, *огнищанинь* – ‘управитель вотчины’, *ябедникъ* – ‘судебное должностное лицо’, *холопъ* – ‘раб’, *смердь* – ‘крестьянин’, *челядинъ* – ‘слуга’ и т. д.); юридическая лексика (*головьникъ* – ‘убийца’, *потокъ* – ‘ссылка’, *зядьница* – ‘наследство’, *проторъ* – ‘судебные издержки’, *добытъкъ* – ‘имущество’, *вира* – ‘штраф за убийство свободного человека’ и т. д.); сельскохозяйственная лексика (*жито, возъ, баранъ, кобыла, лоньщина* – ‘годовалое животное’, *третьяк* – ‘трехлетнее животное’, *копына, борона* и т. д.). Из синтаксических особенностей можно выделить повторение однотипных конструкций (... *аже кто кого ударитъ батогомь, любо рогомь, любо чашей, любо тылеснию, то 12 гривне. Не терпя ли противу тому ударитъ мечемь, то вины ему в том нетуть*), условные конструкции, оформленные либо без союзов (... *то мьстити брату брата; убьетъ моужь моужа*), либо посредством восточнославянских по происхождению союзов (сочинительных *а, а иже*, подчинительных *а же, а оже ли, оже, оже ли*), а также старославянского по происхождению союза *аще*.

В Киевской Руси собственно книжный и деловой языки слабо взаимодействовали между собой. Однако памятники деловой письменности все же испытали на себе воздействие книжного языка. Так, церковнославянизмы часто встречаются в общепринятых стандартных зачинах и концовках, которые по причине своей традиционности устойчиво сохраняли архаичные особенности языка. Например, Мстиславова грамота начинается стандартным выражением «Се азъ мьстиславъ...». Обычно в памятниках деловой пись-

менности личное местоимение имеет церковнославянскую форму *азь*, однако встречаются и его древнерусские варианты *язь* и *я*, а также слова с приставкой *раз-* (*разбойник*, *разбой*), с неполногласием (*чрево*, *среда*), с сочетанием «жд» (*вражда*), личное местоимение 1-ого л. ед. ч. *азь*, флексии *-аго* / *-яго* в род. п. ед. ч. прилагательных (*боярскаго*, *ветхаго*) и др.

В области морфологии необходимо отметить такие особенности, как распространенные формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-и* / *-ы* (*блины*, *диаволи*, *домы*, *орли*); древнерусские окончания полных прилагательных мужского рода единственного числа, существительных мужского рода единственного числа, местоимений (*Дмитрей*, *которои*, *русскои*); окончание *-у* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода (*морозу*, *плоду*) и в предложном падеже единственного числа (*в тиру*, *на торгу*); окончание *-ью* в творительном падеже единственного числа (*гнилью*, *плетью*, *зернью*); получают широкое распространение формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с флексией *-а* (*леса*); формы родительного и винительного падежей единственного числа личных и возвратных местоимений *мене*, *тебе*, *себе* переходят в *меня*, *тебя*, *себя*; утрата звательного падежа; утрата свистящих в склонении существительных с основой на заднеязычный; объединение старых типов склонения существительных в систему склонения по родам; складываются грамматические категории глагола, категория вида; часто встречаются глаголы с суффиксами *-ыва-/ива-*, особенно в форме прошедшего времени с отрицанием (... *я холоп твой ево андреева двора не зажигивал и зажечь никому не веливал*); единственной формой прошедшего времени глагола становится перфект.

Таким образом, точность, лаконичность делового слога, четкая система организации языковых элементов позволили деловому языку занять одно из ведущих мест в развитии общерусского литературного языка. Влияние церковнославянского на язык деловой письменности было в исследуемый период ограниченным. Древнерусская юридическая лексика, являющаяся русской по своему происхождению, почти не отражала книжного влияния.

Деловая письменность эпохи Киевской Руси оказала значительное воздействие на формирование жанровой основы русского литературного языка.

Литература

1. Котков, С. И. Деловая письменность и литературный язык / С. И. Котков // Русская речь, 1980. – № 5. – С. 105–113.
2. Унбегаун, Б. Русский литературный язык : проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы. – [Электронный ресурс] / Б. Унбегаун. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics2/unbegaun-71.htm>. – Дата доступа : 08.11.2019.